

Но, вѣрьте, я не пропущу
 Смѣшной капризъ такого роду—
 И по пятнадцатому году
 Шалунѣ славно отомщу...
 Теперь гдѣ лица, гдѣ наряды?
 Гдѣ разноцвѣтный ихъ базарь?
 Нигдѣ задумчивые взгляды
 Не встрѣтятъ ласковыхъ татаръ.
 Разбойникъ яростный въ пустыню
 Торговый городъ обратилъ
 И незаконную гордыню
 На пеплѣ саклей водворилъ.
 Одни потомки Авраама
 Покорны русскому мечу,
 И въ укрѣпленьяхъ *Ташкичу*
 Ждутъ смѣло новаго Байрама.

Верхи *Андреевой горы*
 Давно сокрылись для отряда;
 Ясный туманная громада,
 Сырѣ влажные пары.
 Долина глухо вторить топотъ
 Шаговъ фаланги боевой,
 И зашумѣлъ передъ зарей
 Волны Кой-Су протяжный ропотъ.
 Вотъ прояснился небосклонъ...
 Рѣка въблизи. На берегъ прямо
 Кавалерійскій легіонъ,
 Коней испуганныхъ упрямо
 Торопить въ воду. Залпъ огней
 Раздался вдругъ изъ камышей...
 Покойно, тихо, безъ отвѣта
 На ласку вражьяго привѣта,
 Плынуть и ѣдутъ казаки...
 Вторичный залпъ... Опять молчанье..
 Въ волнахъ разлившейся рѣки
 И гулъ, и крикъ, и коней ржанье.
 Вода свирѣпствуетъ, кипить,
 Буграми въ рать отважныхъ хлещеть;
 Товарищъ всадника трепещеть,
 И леденѣть, и храпить...
 Вздывая морду, другъ ретивый
 Въ стихіи грозной тонетъ съ гривой,
 Дрожить, колеблется, какъ чолнъ,